

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-260-271
УДК 371

Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям

**Павел Петрович ЩЕРБИНИН, Алексей Игоревич ЧУБАРОВ,
Юлия Вячеславовна ЩЕРБИНИНА**

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>, e-mail: chubar1991@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>, e-mail: dpip@mail.ru

Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps

Pavel P. SHCHERBININ, Aleksei I. CHUBAROV, Ylia V. SHCHERBININA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>, e-mail: chubar1991@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>, e-mail: dpip@mail.ru

Аннотация. Специально и комплексно изучено положение детей-сирот и трансформация собственно системы социальной защиты в годы Гражданской войны и высшей ее фазы – «антоновщины» в Тамбовской губернии сквозь призму детской повседневности и политики советской власти. На основе привлечения широкого комплекса первичных материалов, прежде всего, архивных документов, были репрезентативно и специально исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщены практики выживания детей в невероятно кровавых и ожесточенных столкновениях повстанцев и частей Красной армии в условиях одного региона – Тамбовской губернии. Выявлены условия размещения детей в концентрационных лагерях, а также попытки властей регламентировать их положение, стабилизировать заболеваемость детей и катастрофическую детскую смертность. Приведены конкретные данные по особенностям призрения детей-сирот в условиях Гражданской войны, «антоновщины», новой экономической политики на региональном и уездном уровне, что позволяет оценить не только социальную политику советской власти, но и выживаемость детского социума в рассматриваемый хронологический период. Уточнены последствия взятия членов семей повстанцев (жителей региона, примкнувших к А.С. Антонову) в заложники и использование детей в качестве привлекательного механизма борьбы с «бандитизмом». Специально рассмотрено влияние «партийно-классовой» селекции детей при приеме их в детские дома, а также учета их социального происхождения, положения родителей. Выявлены основные результаты воздействия новой экономической политики (нэпа) на социальную защиту детей и свертывание сложившихся практики призрения детей-сирот в условиях фактического прекращения финансирования многих детских учреждений. Сделаны выводы об историческом опыте, традициях и особенностях выживания детей, в том числе детей-сирот на региональном уровне (губернском и уездном) в условиях голодовок 1920-х гг. XX века, что позволило успешно реконструировать реальное положение населения Тамбовской губернии в постреволюционный период. Даны характеристики политики местных властей, взаимодействия столицы и регионов в условиях почти непрекращающихся катаклизмов и социальных катастроф первых лет советской власти.

Ключевые слова: дети-сироты; гражданская война; беспризорники; концлагеря; «антоновщина»; провинциальный социум; голодовки; новая экономическая политика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333 (а).

Для цитирования: Щербинин П.П., Чубаров А.И., Щербинина Ю.В. Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 182. С. 260-271. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-260-271

Abstract. We investigate specifically and comprehensively the orphans situation and transformation of social protection system in the Civil War years and its ultimate phase Tambov Rebellion in the Tambov Governorate through the lens of children's everyday life and policy of the Soviet government. On the basis of a wide complex of primary materials attraction, first of all archival documents, we representatively and specially investigate various little-known aspects of the scientific problem declared in study. We generalize practices of children survival in the incredibly bloody and violent clashes of rebels and parts of the Red Army in one region – Tambov Governorate. We reveal the conditions of children placement in concentration camps, as well as attempts of the authorities to regulate their situation, to stabilize the morbidity of children and catastrophic child mortality. We provide the specific data on the peculiarities of orphans charity in the conditions of Civil War, Tambov Rebellion, new economic policy at the regional and county level, which allows to evaluate not only the social policy of the Soviet government, but also the survival of children's society in the chronological period under consideration. We clarify the consequences of taking rebel family members (residents of the region who joined A.S. Antonov) hostage and using children as an attractive mechanism to combat “banditry”. We specially consider the influence of “party and class” selection of children at their admission to orphanages, as well as taking into account their social origin, the position of parents. We reveal the main results of the new economic policy (NEP) impact on children's social protection and the constriction of the existing practice of orphans charity in the conditions of the actual cessation of funding for many children's institutions. We draw conclusions about the historical experience, traditions and features of the children survival, including orphans at the regional level (governorate and county) in the conditions of hunger strikes of the 20s of the 20th century, which allowed to successfully reconstruct the actual population situation of the Tambov Governorate in the post-revolutionary period. We give the characteristics of the local authorities' policy, the interaction of the capital and the regions in the conditions of almost incessant cataclysms and social disasters of the first years of Soviet power.

Keywords: orphans; Civil War; homeless; concentration camps; Tambov Rebellion (“Antonovshchina”); provincial society; hunger strikes; new economic policy

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333 (a).

For citation: Shcherbinin P.P., Chubarov A.I., Shcherbinina Y.V. *Deti-siroty v gody Grazhdanskoy voyny: ot besprizornosti k kontslageryam* [Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 182, pp. 260-271. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-260-271 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Изучение истории Гражданской войны в Советской России невозможно без внимательного рассмотрения не только ее участников и участниц, но и исследования последствий этого кровавого, неистового, бессмысленного и беспощадного противостояния сторон для «иных» акторов данной драмы. Одним из наиболее чувствительных и катастрофических результатов Гражданской войны было изменение положения, жизни и здоровья обычных детей, чьи судьбы оказывались в прямой зависимости от расстановки сил, положения родителей, а нередко и просто случайных обстоятельств. Дети-сироты находились в наиболее критическом положении, в условиях, когда социальная защита и

опека, существовавшие при «старом» царском режиме, перестали работать, а главным желанием ребенка являлось стремление просто выжить в невыносимых условиях братоубийственной бойни.

Нами рассмотрено положение детей-сирот в период «антоновщины», являвшейся наивысшей, наиболее ожесточенной и кровопролитной фазой противостояния власти и населения, диктатуры пролетариата и «обычного» человека в условиях Гражданской войны в типично аграрной Тамбовской губернии, являвшейся одной из самых густонаселенных и плодородных в Европейской России.

Необходимо учитывать, что Тамбовская губерния не являлась ареной сражений Белой и Красной армии, но здесь традиционно размещались штабы Реввоенсовета, концентрировались войсковые соединения Красной армии, организовывалось снабжение военных частей, проводились нескончаемые мобилизации и реквизиции продовольствия для военных нужд. Заметим, что главным событием кровопролитной Гражданской войны явилась «антоновщина», размах и влияние которой на судьбы жителей региона и страны в целом были огромными. Не случайно эта Крестьянская война под предводительством А.С. Антонова имеет богатый историографический и источниковедческий задел [1; 2]. Изданы сотни специальных работ, в которых тщательно изучались лидеры крестьянского движения [3], мотивы восставших [4], применение химического оружия против повстанцев [5], но «детско-юношеские» сюжеты «антоновщины» оказались недостаточно исследованы [6–9]. Именно они требуют пристального, внимательного и критического изучения в рамках новейших методологических подходов и интерпретаций.

Кровавый молох крестьянского сопротивления неслыханному и катастрофическому давлению продотрядов, унижений со стороны комиссаров и региональной большевистской элиты, слом традиционного уклада жизни и этноконфессиональных традиций, привычек аграрного социума нес анархию и голод, разрушал семьи и социально-общественные отношения на Тамбовщине. Тектонические перемены советской эпохи первых лет являлись тотальными, но наиболее жестко и травматично они воздействовали на детский социум в отдельно взятом рассматриваемом регионе Советской России.

Не вдаваясь в подробности ярких и трагических страниц «антоновского восстания», которое «новые» власти однозначно называли бандитским, контрреволюционным, антисоветским, а сами повстанцы – освободительным движением, можно заметить, что жесточайшие репрессии касались всех, кто прямо или косвенно был причастен к восстанию. Это были не только члены семей «бандитов», которые ушли или которых насильно увели в свои отряды восставшие крестьяне. Это были и те, кто жили рядом, находились неподалеку, кто когда-то покормил или дал

ночлег нередко незваному, незнакомому «гостю» из леса [10, с. 239].

Для нейтрализации восстания военные власти в Тамбовской губернии успешно и результативно применяли тактику «выжженной земли», расстреливая родственников ушедших к «бандитам» крестьян, сжигая дома повстанцев, арестовывая и помещая в концентрационные лагеря членов их семей. Можно признать, что такого ожесточения и насилия в массовом применении никогда прежде не было в отношении собственного народа, своих сограждан.

Нельзя не согласиться с утверждением авторов сборника «Дети ГУЛАГА» о том, что, придя к власти, большевики стали смотреть на детей из социально чуждых им слоев общества как на обычных политических противников. Их брали в заложники, мучили, убивали. Казалось бы, что общего между царскими и крестьянскими детьми? Но прошло совсем немного времени после расстрела царской семьи, и «во имя счастья трудящихся» стали брать в заложники и уничтожать крестьянские семьи, включая даже грудных младенцев [11].

Как же могли попасть в концлагеря дети? Насколько «эффективной» была система помещения в концлагеря членов семей «бандитов» и ушедших в леса крестьян? Что происходило в этих лагерях, и каковы были судьбы юных арестантов? Каким образом «антоновщина» повлияла на детское сиротство? Постараемся понять причины и поводы «давления» советской власти на детей, уточнив перспективы «детоубийства» и репрессий в отношении детей повстанцев. Но, важно подчеркнуть, что в условиях Гражданской войны под раздачу и расправы попадали и члены семей коммунистов, комиссаров, местных активистов. По сути, дети несли полную ответственность за своих родителей, которые часто сами не понимали, в каком статусе они находятся, за что воюют и с кем сражаются. Братоубийственный характер Гражданской войны вполне внятно и четко реализовался в Тамбовской губернии, которая была «истерзана» новым режимом, что имело далеко идущие последствия для судеб конкретных семей и социальных групп.

Как вполне справедливо указывает О.В. Безай, с началом Гражданской войны у коммунистической власти возникла необхо-

димось в создании мест заключения для изоляции своих политических противников. В апреле 1919 г. Президиум ВЦИК принял решение об организации лагерей принудительных работ (концлагерей), а в мае одобрил инструкции о содержании там «социально-чуждых элементов» [12]. Важно заметить, что такие лагеря могли создаваться по решению губернских властей и без согласования с центром.

Маховик политических репрессий и революционной вакханалии набирал обороты, и все больше и больше «обычных» детей в Тамбовской губернии становились сиротами и беспризорными. Не случайно уже 12 октября 1920 г. завгубнаробраза в докладе в губисполком указывал, что подотдел охраны детства, учитывая «чрезвычайную трудность переживаемого момента и в силу этого быстрый рост детской беспризорности и колоссальное стремление широких масс населения поместить детей в детские дома, в частности, особую остроту положения в настоящее время в связи с обязательным приемом в детские дома сирот, оставшихся на полный произвол судьбы после убитых и замученных бандитами партийных советских работников, с необходимостью принимать в детские дома детей, родители которых в силу малой сознательности примкнули к числу восставших и массовым поступлением детей – участников бандитского восстания (так, 30 сентября 1920 г. в губнаробраз было приведено свыше 70 детей, участвовавших в восстании), констатирует абсолютную невозможность удовлетворить всю потребность размещения детей и подростков, если в самом срочном порядке не будут предоставлены в распоряжение губнаробраза новые здания, могущие подойти под детские дома»¹.

Было признано необходимым: использовать помещение ремесленно-воспитательной школы для нравственно дефективных детей, находящееся на Набережной № 10, для организации детского дома для детей участников восстания. По мнению участников совещания, «...эта категория детей требует выделения их в особое помещение от прочих и применения особых мер педагогического воздействия»².

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области), Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 2.

² Там же. Л. 2.

Власти рассчитывали, что «малолетние» дети, члены семей примкнувших к «бандитам» крестьян будут распределяться в детские дома до конца Гражданской войны³. Однако вскоре стало понятно, что таких детей из «бандитских семей» слишком много, да и для их отцов была бы более «понятна и доходчива» в качестве меры устрашения система заложничества. С весны 1921 г. в наскоро оборудованных губернским управлением принудительных работ концентрационных лагерях для заложников наряду со взрослыми в большом количестве содержались женщины и дети.

Так, в Кирсановском уезде, по сообщениям властей, был организован во время борьбы с «бандитами» временный лагерь, и за период 5-месячного существования там пребывало около 1200 человек⁴. Кроме этого, в уезде преступные дети изолировались и направлялись в приемник для дефективных детей⁵.

Самой предпочтительной формой заложничества власти считали содержание жен и детей повстанцев в концентрационных лагерях. Эта практика активизировалась после назначения на должность командующего всеми вооруженными силами Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского. В своем письме в ЦК РКП(б) от 20 мая 1921 г. он указывал, что «совместно с боевыми действиями необходимо создавать резкий перелом в настроении крестьянской среды. Для этого, прежде всего, надо ударить по хозяйственным интересам крестьянства. Для этого решено семьи бандитов сажать в концентрационные лагеря и в случае неявки бандита отправлять их вглубь РСФСР» (цит. по: [12, с. 19]).

В Тамбовской губернии активно создавались стационарные и полевые концентрационные лагеря: 1) № 1 в Тамбове; 2) № 2 в Тамбовском уезде, в помещении бывшего Трегуляевского монастыря; 3) № 3 в Борисоглебске; 4) № 4 Борисоглебский полевой; 5) № 5 Моршанский⁶. В других источниках указывается, что было 7, а позже 10 концен-

³ ГАТО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 32.

⁴ Отчет Тамбовского губернского экономического совещания Совету труда и обороны за период с 9 февраля по 1 октября 1921 г. Тамбов, 1921. С. 20.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 58.

традиционных лагерей [8; 9]. Работа концлагерей переводилась на самокупаемость и была направлена на изыскания средств путем использования труда заключенных на работах и на организацию производственной деятельности и сельского хозяйства. С июля 1921 г. фактически не получалось никаких денежных ассигнований, образовалась значительная задолженность, и в лагерях создалось критическое положение: голод и заболевания тифом, холерой и т. п.

Все концентрационные лагеря были схожи между собой: «солдатские палатки, обнесенные проволочными заграждениями». Поступавшие в лагеря «бандиты» и члены их семей подлежали обязательной селекции. Самых «бандитов», то есть восставших крестьян, отправляли вглубь страны в другие лагеря «по мере накопления», а заложников – после двухнедельного пребывания. Если «бандит» в течение этого срока являлся с повинной и сдавался властям, то его семья освобождалась из лагеря. Но важно понять, куда он мог возвратиться, если дома ушедших в леса или уведенных туда «антоновцами» крестьян безжалостно сжигались «оккупационной армией» М. Тухачевского?

Сами местные власти признавали, что в концлагеря в Тамбовской губернии поступало большое количество детей «с самого раннего возраста, даже грудные». Содержание малолетних детей ставило «администрацию лагерей в самое затруднительное положение»⁷. По оценкам В.В. Елисеева, только 20 июня 1921 г. в концлагеря поступило до шести тысяч заключенных, большинство из которых являлось детьми [9]. Именно дети были больше всего подвержены массовым заболеваниям. Не случайно росла и детская смертность.

Даже местные власти были встревожены сложившейся ситуацией с детской смертностью. В Тамбовской губернии была создана междуведомственная комиссия по содержанию детей-заложников в концлагерях, на которой обсуждались различные «детские» проблемы. 27 июня 1921 г. было постановлено: «Ввиду большого наплыва в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и непригодностью этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания

желудочного и простудного характера, признать необходимым в самом срочном порядке принять нижеследующие меры к улучшению положения детей:

А. Детей-заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, жилых домах или бараках, отнюдь не в палатках – по возможности в черте лагеря... При детях-заложниках до 3-летнего возраста включительно имеют право находиться их матери-заложницы.

Б. Пищевым довольствием дети-заложники должны удовлетворяться по нормам, установленным в соответствии возрасту детей в домах матери и ребенка и в детских домах»⁸.

Спустя пять дней, 31 июля 1921 г., на четвертом заседании комиссии по делам о содержании детей-заложников в концентрационно-полевых лагерях Тамбовской губернии присутствовали: председатель комиссии товарищ Погурский, члены: Белугин, Васильева, Лукина и Семенова и секретарь Вакар. На повестке дня было заслушивание докладов с мест. По предложению Е. Васильевой комиссия большинством голосов 3-х против 2-х дополнила повестку вопросом о разгрузке концлагерей от заложников, не подлежащих в них содержанию⁹.

«Постановили:

а) Обратиться в Особый Отдел с просьбой пересмотреть в первую очередь дела тех заложников, которые не подлежат содержанию в концлагерях согласно инструкции Полномочной комиссии ВЦИК, то есть беременных женщин и малолетних детей.

б) Предложить представителям местных междуведомственных комиссий в срочном порядке произвести срочную перепись беременных женщин, грудных младенцев, круглых сирот и детей-заложников, взятых за родственников, которые уже явились, и представить данные переписи в органы Особого Отдела»¹⁰.

Уполномоченная по улучшению жизни детей в Тамбовской губернии Е. Васильева привела в своем докладе сведения о количе-

⁸ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1039. Л. 111.

⁹ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 3.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 328. Л. 3.

⁷ ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1. Д. 34. Л. 35.

стве детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г. (табл. 1).

Понятно, что данные сведения не могли быть абсолютно точными, так как они представлялись в центр с большим опозданием, тогда как в лагерях происходили постоянные перегруппировки в отношении заложников, к которым и относились находившиеся в лагерях дети¹¹.

Однако вопреки требованиям об отправке детей из семей заложников в детские приемники они нередко продолжали содержаться в концлагерях вместе со взрослыми. Даже после проведения кампании по разгрузке концлагерей к осени 1921 г. (восстание к тому времени было практически подавлено, и заложники с маленькими детьми были выпущены по домам) там все еще находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет [9].

Опасаясь массовых эпидемий – тифа, дизентерии и холеры, власти продолжали «разгружать концентрационные лагеря», передавая матерей с детьми на места проживания, сообщая ревкомам, которые должны были брать их на учет. Таким образом, заложники, как члены семей «бандитов», переходили под контроль местных карательных структур. Наиболее «опасные», по мнению властей, семьи «бандитов» высылались в различные отдаленные районы Советской России.

Конечно, учитывая проявления беспощадного русского бунта, ожесточение и кровавость схваток Гражданской войны, важно понимать, что сиротами становились не только дети восставших крестьян, но и дети коммунистов, милиционеров, продотрядовцев, чекистов, всех, кто активно поддерживал коммунистический режим. Несколько тысяч коммунистов и членов их семей подверглись жестоким расправам разъяренных местных жителей. В Гражданской войне все получали право на насилие и сполна реализовывали свои обиды и притеснения.

Система социальной защиты детей новой Советской России подверглась массивным деформациям и потрясениям в годы кровавой и братоубийственной Гражданской войны, которая в локальном своем проявлении – «антоновщине» – были одной из самых

катастрофических для юных жителей Тамбовской губернии.

Ситуация с многомиллионными беспризорниками, бродившими по стране, встревожила власти Советской России. 27 января 1921 г. Президиум ВЦИК постановил организовать при ВЦИК Комиссию по улучшению жизни детей. Губернские чрезвычайные комиссии должны были немедленно связаться с представителями органов Наробраза, Наркомздрава, Собеса, Компроды и прочими и оказывать им максимальную поддержку в организации помощи нуждающимся детям. В двухнедельный срок должны были поступить сообщения в ВЧК с докладами о том, что сделано и что предстояло сделать. Возглавил Детскокомиссию председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский.

9 февраля 1921 г. состоялось заседание Межведомственной комиссии по организации помощи детям, пострадавшим от бандитизма. В комиссию под председательством губсобеза вошли представители губнаробраза, унаробраза, подотдела охраны материнства и младенчества, губраспреда и военного командования. Было постановлено организовать по два детских дома в наиболее пострадавших Тамбовском и Кирсановском уездах¹². Кроме того, члены комиссии выработали план по оказанию помощи пострадавшим детям. Его целью провозглашалась всесторонняя помощь детям, пострадавшим от бандитов путем изъятия их из района бандитизма и оказания им помощи на месте. Для изъятия детей и концентрации их в детских домах и приютах планировалось организовать летучки при санитарных отрядах военных частей. «Важно было подбирать детей, которые остались без родных вследствие Белого и Красного террора. Ввиду невозможности эвакуировать всех нуждающихся детей стараться устроить часть из них у местного населения, оказывая возможную помощь материального характера»¹³. Но требовались дополнительные средства для открытия детских домов. И уже 10 марта 1921 г. председатель комиссии Соколова направила телеграмму в Москву в Наркомпрос с просьбой дополнительной организации шести домов ребенка и шесть детских домов для детей, пострадавших от бандитизма. Всего на 1200

¹¹ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256.

¹² ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 1-2.

¹³ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 2.

Таблица 1

Количество детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г.

Наименование концлагерей	Детей до 3-х лет	Детей до 5-ти лет	Итого
Тамбовский № 1	74	147	221
Тамбовский № 2	3	–	3
Борисоглебский № 4	25	76	101
Моршанский № 5	3	8	11
Козловский № 7	10	15	25
Кирсановский № 8	130	50	180
Инжавинский № 9	2	12	14
Сампурский № 10	150	450	600
Всего	297	758	1155

человек в возрасте от 0 до 17 лет...»¹⁴. Однако из столицы не было ни ответа, ни дополнительных средств. В результате, 16 марта 1921 г. в г. Кирсанов был организован приемник для 15 детей¹⁵. В Тамбове в детском доме № 1 Карла Либкнехта было размещено 39 детей от 1 до 15 лет¹⁶.

Именно 1921 год стал переломным в плане формирования особой очередности и «льгот» при зачислении в детские учреждения системы социального воспитания. Всего лишь несколько лет прошло после прихода к власти большевиков, которые поставили во главу угла «классовый принцип» и пролетарское сознание. Были забыты земские правила о всесословном приеме в детские учреждения, советские лозунги о том, что «Революционная власть признала всех детей детьми Республики», «Дети – цветы жизни». Становилось очевидно, что не все дети являлись «цветами», которые произрастали на пролетарских грядках. Начали формироваться «особые» списки, в которых указывались только самые приемлемые кандидаты для домов социального воспитания.

Уже в начале августа 1920 г. была разработана и циркулярно разослана инструкция о приеме детей в детские дома:

1) в первую очередь должны были приниматься круглые сироты и дети красноармейцев, если отец на фронте, а мать умерла;

2) полусироты, оставшиеся без присмотра:

а) дети красноармейцев, ушедших на фронт при живой матери;

б) дети, в отношении которых родители и лица их замещающие злоупотребляют своей властью:

- подвергают детей истязаниям;
- склоняя к совершению преступлений, к занятию нищенством, спекуляцией, проституцией и т. п.;

3) дети многосемейных;

4) дети малосемейных;

5) «в деревнях детей следует принимать в том же порядке, не считаясь с площадью посадки и количеством лошадей и скота. Группировка детей в настоящем циркуляре произведена по степени беспризорности, которой и следует руководствоваться при приеме детей в детские дома. Однако каждый отдельный случай может обнаружить особенности, смягчающие или углубляющие степень беспризорности ребенка, вследствие чего может явиться необходимость его, как относящаяся не к одной, а к другой категории, так, например, ребенок может иметь родственников или близких лиц, своей заботливостью вполне заменяющих родителей, и, наоборот, наличие родителей не исключая необходимости приема ребенка в детский дом. А посему каждый случай приема ребенка надлежит тщательному обследованию, и при обнаружении тех или иных особенностей возможно изъятие из правила»¹⁷.

В начале 1921 г. в селах Тамбовского уезда начали открываться детские сады и ясли. Так, в поселке Токаревка был открыт детский сад, рассчитанный на 50 детей в возрасте 5–8 лет. Было решено принимать туда в первую очередь сирот, во вторую – детей

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 516. Л. 46.

¹⁵ Там же. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 55.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 855. Л. 7.

красноармейцев, в третью – «детей пролетариата»¹⁸.

Рассматривая последствия «антоновщины» сквозь призму детской повседневности, необходимо коснуться ее финальной стадии, когда была введена новая экономическая политика (нэп). Эта политика привела к полной катастрофе в работе учреждений социального воспитания, сформировавшихся в регионе.

Уничтожение (отмена) продразверстки традиционно считается важнейшим этапом развития Советского государства и результатом ответа властей на многочисленные восстания против коммунистической диктатуры, к числу которых относилась и «антоновщина». Однако курс новой экономической политики оказал самое сильное, катастрофическое воздействие на организацию, содержание детей, которая происходила в 1918–1919 гг. Надо было снова приспособляться выживать в условиях ограниченного или почти отсутствующего финансирования из столицы и искать возможности опираться лишь на местные средства, пытаться сохранить достигнутое в невероятно трудных условиях.

По признанию заведующего губнаробразом А. Абиндера, в ходе нэпа по соцвосу на государственное снабжение были приняты только детские дома. Однако из государственного продовольственного фонда обеспечивались пайком по Тамбовской губернии 2000 работников просвещения (из общего числа свыше 20000), 10000 детей в детдомах из числа свыше 18000 [13]. Таким образом, лишь немногим более половины детей снабжались пайком, то есть детям выдавали лишь половину нормы на питание. В то же время власти констатировали все возрастающее количество беспризорных детей и планировали открытие новых детских домов для их спасения.

Новая экономическая политика привнесла в систему образования и воспитания принцип самообложения. Согласно этому принципу, государство брало на себя только часть расходов по финансированию образовательных и воспитательных учреждений. По разработанному в губернском отделе социального воспитания (губсоцвосе) циркуляру, детские дома должны были финансироваться непосредственно населением по принципу самообложения. Ход кампании по самооб-

служиванию населения с первых шагов показал, что ждать успехов было нельзя. Крестьянство, с подорванным урожаем и бандитизмом хозяйством, слабо откликнулось на призыв помочь делу народного образования. Самообложение прошло в размере не более 3–4 %. Частичная помощь была оказана лишь 8–10 % школ¹⁹.

Заметим все же, что даже нэп и его отрицательное влияние на систему социального воспитания и заботу о детях-сиротах меркнет при освещении еще более страшного бедствия – голодовки. Фактически, одна «черная» полоса – «антоновщина», сменилась другой – «нэпом», а следом пришел «голод».

Понятно, что традиционно зажиточная и хлеборобная Тамбовская губерния традиционно воспринималась властями как регион, куда можно было направлять голодающих детей из различных губерний, где были недороды, перебои со снабжением продовольствием, голодовки. Не случайно, уже в 1919 г. тысячи детей нашли спасение в различных уездах Тамбовской губернии. Для их размещения национализировались усадьбы помещиков. Так, в мае 1919 г. в Лебедянском уезде для размещения 500 детей были национализированы усадьбы помещиков: Савинки (дом Шиловского), Троекурово (дом Русинова), Мамонтово (дом Попова) и др. В Сезоновском монастыре было намечено разместить 185 детей [14, с. 288-289]. В 1919 г. из столицы поступила директива о необходимости размещения голодающих детей из северных губерний. Столичные чиновники считали, что Тамбовская губерния с ее традиционным хлебным изобилием, имевшим место до 1917 г., и при новой власти может брать на себя снабжение хлебом не только армии, промышленных центров, но голодающих жителей различных регионов Советской России.

Впервые в советский период, кроме массированного сбора продразверстки продотрядами, тамбовским губернским властям было предложено рассмотреть вопрос об организации приема детей голодающих северных губерний. В протоколе № 7 от 1 апреля 1919 г. заседания межведомственной комиссии губсоцбеза и губнаробраза указывалось: «...срочно обследовать имения, а при распределении

¹⁸ Вестник просвещения. 1919. № 4. С. 17.

¹⁹ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 26-29.

помещений в имениях отдавать их детским колониям»²⁰. Предполагалось развернуть в Тамбовской губернии сеть летних детских трудовых колоний под эгидой Наркомпроса для детей северных голодающих губерний²¹. Особое значение придавалось Саровской пустыни, где новые власти собирались использовать сохранившиеся помещения. Однако этот замысел полностью не был реализован, так как многие уезды Тамбовской губернии стали близки к прифронтовой полосе. Об этом было заявлено на заседании той же комиссии 13 июля 1919 г.: «...общий план разгрузки домов-приютов по колониям выработан быть не может ввиду близости во многих уездах прифронтовой полосы. Частичная разгрузка может быть проведена. В Темниковский Саров для использования ранее проведенных подготовительных работ по оборудованию колоний и для использования высланных на этот предмет продуктов решено переправить детей приютов Темникова и частью детей Тамбова»²².

Губернские власти обследовали все сохранившиеся губернии и искали помещения для размещения детских колоний²³. Заметим, что на Тамбовщину охотно направляли на летний период и детские дома из Москвы. Столица всегда старалась использовать потенциал провинции для заботы о своих детских домах.

Спустя два года, в сентябре 1921 г., когда население региона стало только приходить в себя после разрушительной «антоновщины», развернулась новая компания по размещению голодающих детей в Тамбовской губернии. На заседании губтройки по оказанию помощи голодающим детям Поволжья было постановлено: «...Принять в детские дома Тамбовской губернии 300 детей из голодающих губерний, каковых распределить в уездах, не пострадавших от бандитизма. Необходимо предложить Губотделу Наробраза произвести разгрузку детских домов от некоторых категорий. Исключить из детских домов всех достигших 18-летнего возраста, распределив их по учебным заведениям и определив их на службу. Исключить всех детей, имеющих трудоспособных роди-

телей или родственников, живущих в том же селе или городе, оставив за последними право питания. Произвести разгрузку не менее 8 % детей. Закрыть интернаты, превратив их в детские дома. Детей состоятельных родителей исключить. С 1 по 7 октября устроить по всей губернии неделю помощи ребенку Поволжья»²⁴.

В октябре 1921 г. в Тамбовской губернии началась неделя Помголода («Помощи голодающим»), и в городах проводились кружечные сборы, лотереи, концерты, сбор суррогатов, отчисления от заработков и пр. Но важнее всего было «выбрать» хлеб из деревни. И тамбовские власти постарались на славу. В отчете Тамбовского губернского совета Помгол отмечалось, что с момента создания этой организации по 1 июня 1922 г. Тамбовская губерния была на положении благополучной по урожайности, и 90 % зерна вывозилось в Поволжье и прикрепленную Башкирскую республику.

Но после этого в самой Тамбовской губернии начался голод, и резко возросла смертность. Секретарь губкома Лотиков в своем отчете губкому РКП(б) отмечал, что голод охватил преимущественно южные уезды: Борисоглебский (120104 голодающих), Кирсановский (160000 голодающих), Усманский (свыше 100000 голодающих) и Тамбовский (60000 голодающих). Причем и в других уездах насчитывалось несколько сот тысяч человек, страдающих от голода. По сведениям специального обследования голодающих уездов, на каждые 100 случаев рождения приходилось в среднем 216 смертей, причем было установлено, что 72 % смертей происходило на почве голода. По данным губздравотдела, крестьянское население многих волостей, отчаявшись выжить в условиях голодовки, покидало целыми деревнями свои насиженные места и двигалось в поисках хлеба. Главная тяжесть голода падала на детей, которые гибли в этой обстановке сотнями²⁵.

Только с 1 июня 1922 г. по ходатайству местных властей, а именно губисполкома, ЦКПОМГОЛ ВЦИК признал саму Тамбовскую губернию пострадавшей от неурожая с предоставлением права расхода пожертвова-

²⁰ ГАТО. Ф. Р-14014. Оп. 1. Д. 140.

²¹ Там же. Л. 21.

²² Там же. Л. 39.

²³ Там же.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1318. Л. 17.

²⁵ Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1391. Л. 140-141.

ний на непосредственную помощь населению. Всего по губернии голодало 624168 человек, что составляло 18,82 % всей численности населения губернии²⁶. Примечательно, что больше всего пострадавших от голода было в охваченных прежде «бандитскими выступлениями» уездах: Кирсановском (95350 человек), Борисоглебском (102504 человека), Усманском (134168), Тамбовском (71317) уездах. Количество умерших от голода по губернии составило 5760 человек.

Другим последствием голодных месяцев было появление в Тамбовской губернии новой волны беженцев из Поволжских губерний. Как будто повторялся 1915 год, и на Тамбовщину безудержным потоком катились толпы самоэвакуированных несчастных голодных людей со своими семьями. Многие «беглецы от голодной смерти» бросали своих детей на узловых станциях в Тамбовской губернии, надеясь, что здесь им смогут оказать помощь и поддержку. К январю 1922 г. было развернуто 6 детских домов для детей-беженцев из Поволжских губерний, и это спасло тысячи детских жизней²⁷.

В 1924 и 1925 гг. недород и гибель посевов, а также неумелая экономическая политика властей (на крестьян был наложен непомерно высокий размер сельхозналога) снова способствовали наступлению голода в

Тамбовской губернии²⁸. Только в тамбовской деревне число голодающих достигло 651564 человека и 675528 детей. Для детского питания были организованы 100 столовых и 3 яслей, через которые прошло 644075 детей²⁹. Эти цифры поражают воображение того, что же происходило в годы «заботливой» и «справедливой» советской власти в хлеборобной Тамбовщине. Эти цифры оказываются еще более трагическими, если учесть, что Тамбовская губерния в 1923 г. подверглась серьезно «обрезанию», и ее территория сократилась вдвое.

Местные власти просили правительство о кредите и разрешении на завоз хлеба, но в завозе хлеба в губернию, как производящую, было отказано. Были организованы 112 детстоловых (в них удалось покормить 24242 ребенка) и 12 яслей для голодающего населения³⁰ и беспризорных детей. Число беспризорных детей резко росло и особенно за счет сельских жителей, где сильнее всего ощущался голод. И большую часть удалось удержать в деревне именно за счет открытия столовых для детей. Но к осени 1925 г. положение стабилизировалось, и осталась только одна детская столовая в Тамбове на 150 детей. С голодом было, наконец, покончено...

²⁶ Краткий обзор ГИК и его президиума за 1921–1922 отчетный год. Б. м., б. г. С. 553.

²⁷ Отчет Тамбовского губернского отдела профсоюзов (за время с 1 сентября 1921 г. по 1 ноября 1922 г.). 6-му губернскому съезду профсоюзов. Тамбов, 1922. С. 167.

²⁸ Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции за время с декабря 1924 г. по ноябрь 1925 г. Тамбов, 1925. С. 3.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Там же. С. 13.

Список литературы

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / отв. ред. Л.Г. Протасов. Тамбов: Гос. архив Тамб. обл., 2007.
2. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): документы и материалы / отв. сост. В. Данилов, С. Есиков, В. Канищев, Л. Протасов. Тамбов: Ред.-изд. отдел, 1994.
3. Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО–XXI, 2018.
4. Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. Вып. 9. М.: Посев, 2004.
5. Bobkov A.S. On the Issue of Using Asphyxiating Gas in the Suppression of the Tambov Uprising // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. Vol. 25. № 1. P. 65-104.
6. Щербинин П.П. Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24.
7. Щербинин П.П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113-115.

8. *Елисеев В.* Дети после «Антоновщины» // *Посев*. 2013. № 7 (1630). С. 42-46.
9. *Елисеев В.В.* Детство за колючей проволокой // *Filo Ariadne*. 2017. № 4 (8). С. 81-90.
10. *Щербинин П.П.* «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с. ISBN 978-5-00078-230-9
11. *Дети ГУЛАГа. 1918–1956* / под ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. М.: МФД, 2002.
12. *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2018. № 8 (94). С. 18-22.
13. *Абиндер А.* Новый эконом курс и народное просвещение // *Вестник просвещения*. 1921. № 8. С. 3.
14. *Кривошеин Н.В.* Город Лебедянь и его уезд в 1917–1921 гг. М., 2016. 470 с.

References

1. Protasov L.G. (executive ed.). *«Antonovshchina». Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1920–1921 gg.* [“Antonovshchina” Peasant Rebellion in the Tambov Governorate in 1920–1921]. Tambov, State Archive of Tambov Region, 2007. (In Russian).
2. Danilov V., Esikov S., Kanishchev V., Protasov L. (executive compilers). *Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy gubernii v 1919–1921 gg. («Antonovshchina»): dokumenty i materialy* [Peasant Rebellion in the Tambov Governorate in 1919–1921 (“Antonovshchina”): Documents and Materials]. Tambov, Redaktsionno-izdatelskiy otdel Publ., 1994. (In Russian).
3. Posadskiy A.V. (ed.). *Tambovskoye vosstaniye 1920–1921 gg.: issledovaniya, dokumenty, vospominaniya* [Tambov Rebellion of 1920–1921: Researches, Documents, Memories]. Moscow, Russian Society Researches Association–XXI Publ., 2018. (In Russian).
4. Sennikov B.V. *Tambovskoye vosstaniye 1918–1921 gg. i raskrest'yanivaniye Rossii 1929–1933 gg. Vyp. 9* [Tambov Rebellion 1918–1921 and Disintegration of the Peasant Class of Russia 1929–1933]. Moscow, Posev Publ., 2004, issue 9. (In Russian).
5. Bobkov A.S. On the issue of using asphyxiating gas in the suppression of the tambov uprising. *The Journal of Slavic Military Studies*, 2012, vol. 25, no. 1, pp. 65-104.
6. Shcherbinin P.P. *Deti russko-yaponskoy, podrostki Pervoy mirovoy... Etapy vzrosleniya uchastnikov revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoy voyny* [Children of the russian-japanese, teens of the First world... stages of becoming grown-up of participants of the revolution of 1917 and the Civil War]. *Tsentr i periferiya* [Center and Periphery], 2015, no. 3, pp. 18-24. (In Russian).
7. Shcherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz' prizmu vospriyatiya detey i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstviya v pervoy chetverti XX veka [“Antonovshchina” through the lenses of perception of children and adolescents: choice of life course and its consequences in the first quarter of the XX century]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 6 (80), pt 2, pp. 113-115. (In Russian).
8. Eliseev V.V. *Deti posle «Antonovshchiny»* [Children after “Antonovshchina”]. *Posev*, 2013, no. 7 (1630), pp. 42-46. (In Russian).
9. Eliseev V.V. *Detstvo za kolyuchey provolokoy* [Childhood for the barbed wire]. *Filo Ariadne*, 2017, no. 4 (8), pp. 81-90. (In Russian).
10. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «deti bedy» i popechitel'stvo do i posle 1917 goda [«Suffer the children to come unto me...»: «children of misfortune» and patronage before and after 1917]. Tambov, Derzhavinsky Publishing House, 2018, 370 p. ISBN 978-5-00078-230-9 (In Russian).
11. Yakovlev A.N. (ed.), Vilenskiy S.S. et al. (compiler) *Deti GULAGa. 1918–1956* [Children of GULAG. 1918–1956]. Moscow, MFD Publ., 2002. (In Russian).
12. Bezai O.V. *Ispol'zovaniye kontslagerey v khode podavleniya Tambovskogo vosstaniya 1920–1921 gg.* [Use of concentration camps during the suppression of tambov uprising of 1920–1921]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2018, no. 8 (94), pp. 18-22. (In Russian).
13. Abinder A. *Novyy ekonom kurs i narodnoye prosveshcheniye* [New Economic Course and People's Enlightenment]. *Vestnik prosveshcheniya* [Herald of Enlightenment], 1921, no. 8, p. 3. (In Russian).
14. Krivoshenin N.V. *Gorod Lebedyan' i ego uyezd v 1917–1921 gg.* [City of Lebedyan and its County in 1817–1921]. Moscow, 2016, 470 p. (In Russian).

Информация об авторах

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Чубаров Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, сотрудник центра гендерных исследований. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: chubar1991@mail.ru

Вклад в статью: статистическая обработка данных, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>

Щербинина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dpip@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, работа с архивными документами и материалами, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Щербинин Павел Петрович
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Поступила в редакцию 19.06.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.07.2019 г.
Принята к публикации 20.09.2019 г.

Information about the authors

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Contribution: main study conception, literature search and analysis, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Aleksei I. Chubarov, Candidate of History, Member of Gender Study Center of Public Health and Healthcare Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: chubar1991@mail.ru

Contribution: statistical data processing, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7828-2306>

Ylia V. Shcherbinina, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Profile Pre-University Training Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: dpip@mail.ru

Contribution: source material acquisition, work with archival documents and materials, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Pavel P. Shcherbinin
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Received 19 June 2019
Reviewed 10 July 2019
Accepted for press 20 September 2019